

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-1-99-108

УДК 94:323.1(470+571)-
18/19

Содержание статьи

Информация о статье

А.М. Субботина¹

Введение
О понятиях «инородцы» и
«инославные»
Исторический контекст
созыва межведомственного
совещания 1910–1911 гг
Материалы
межведомственного
совещания 1910–1911 гг. как
важный исторический
источник
Заключение

Поступила в редакцию:
01.10.2017.
Передана на рецензию:
09.10.2017.
Получена рецензия: 25.10.2017.
Принята в номер: 26.01.2018.

Межведомственное совещание 1910–1911 годов о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением (Журнал. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 292 с.) – Важный источник по истории школьного образования мусульман и других этноконфессиональных групп Российской империи

Удмуртский институт истории, языка и литературы Удм ФИЦ УрО РАН; annmisu@yandex.ru, annnamisu@gmail.com

Документальное издание, посвященное этноконфессиональной политике российского государства в сфере образования в начале XX в., делает более доступным для изучения архивный документ, который является результатом работы межведомственного совещания при Министерстве народного просвещения в 1910–1911 гг. Познавательное значение имеют принятые участниками совещания решения и собранная разнообразная информация о состоянии школьного образования среди народов России того периода. Для читателя представляют интерес сам опубликованный в книге документ, вводные статьи и справочные материалы составителя И.К. Загидуллина. Многие освещенные в книге вопросы являются дискуссионными и будут стимулировать научные исследования. Материалы издания могут стать основой для сравнительного изучения политики российского государства в отношении школьного образования мусульман и других этноконфессиональных групп Российской империи.

Ключевые слова: *история России, этноконфессиональная политика, национальное и религиозное образование, мусульманские школы.*

¹ *Анна Михайловна Субботина* – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, orcid.org/0000-0002-3152-5884.

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-1-99-108

UDC
94:323.1(470+571):18/19

*A.M. Subbotina*²

**The content
of the article**

In The concepts of "foreigners" and "non-Orthodox". The historical context of interagency convening of the first meeting 1910–1911. Materials livedom-governmental meeting 1910–1911 as an important historical source introduction. Conclusion.

**Information
about the article**

Received: 01.10.2017.
Submitted for review: 09.10.2017.
Reriew received: 25.10.2017.
Accepted for publication: 26.01.2018.

**An Important Source on the History of School Education of Muslims and Other Ethnic and Religious Communities in the Russian Empire:
an Interagency Conference of 1910–1911 Concerning the Organization of School Education in the Areas with Non-Russian and Non-Orthodox Population: Journal. – Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History at the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017.**

Udmurt Institute of History, Language and Literature. Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; anmisu@yandex.ru, annnamisu@gmail.com

The book under review is a new documentary edition dedicated to ethno-confessional policy of the Russian state in the field of education in the early twentieth century. The author presents an archival document drawn up following an interagency conference at the Ministry of Public Education in 1910–1911. The guidelines of the conference and a variety of information on the condition of school education for the peoples of Russia of that period are of considerable value. The document itself, as well as its introductory articles and reference materials written and compiled by I. K. Zagidullin, are interesting to the reader. Many issues discussed are controversial in nature, which will inspire further research. The materials of the book can be a basis for comparative studies of Russian public policy regarding school education of Muslims and other ethnic and religious communities of the Russian Empire.

Keywords: *Russian history, ethno-confessional policy, ethnic-specific and religious education, Muslim schools.*

² *Anna Mikhailovna Subbotina* – Cand. Sc. (History), associate professor, senior researcher at Udmurt Institute of History, Language and Literature. Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, orcid.org/0000-0002-3152-5884.

Введение

Публикация архивных источников открывает им новую жизнь, делает их доступными для более широкого круга исследователей, заставляет переосмыслить некоторые существующие концепции и подходы. Рецензируемое документальное издание как раз относится к числу тех, которые вызывают желание задуматься над поставленными в нем вопросами, обратившись к первоисточникам. Поликультурное многообразие России на протяжении всей истории страны ставило перед государством задачу выстраивания взаимоотношений между многочисленными народами и конфессиями. В связи с предпринятыми в XIX – начале XX в. значительными шагами по развитию системы образования проблема учета этнокультурной и конфессиональной специфики учащихся в условиях активно стимулированных интеграционных процессов широко обсуждалась на самых разных уровнях и требовала практического разрешения. Особое место в этой полемике занимала проблема организации обучения мусульман. Создание особых школ для народов, территориально проживавших в регионах распространения ислама, рассматривалось в начале XX в. с точки зрения снижения мусульманского влияния на них. Освещению этих сложных и актуальных вопросов и посвящена представляемая книга.

Рецензируемое издание публикует материалы межведомственного совещания при Министерстве народного просвещения о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением 1910–1911 гг. из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге. Издание подготовлено Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана в рамках серии «Исламские институты в Российской империи». Составителем и автором дополнительных материалов является доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории института И.К. Загидуллин. Структура книги соответствует типу научного документального издания. Она включает в себя две вводные статьи составителя, текст самого публикуемого источника, примечания, именной и территориально-географический указатели, список использованных источников и литературы и список сокращений.

О понятиях «инородцы» и «инославные»

Публикуемый документ использует термины, широко применявшиеся в государственном делопроизводстве, научной и популярной литературе в России того времени. Слова «инославие», «инославные» используются в церковной практике и сегодня для обозначения неправославных христиан. Представители других, нехристианских, конфессий именовались «иноверцы». Одним из итогов Первой русской революции 1905–1907 гг. стало послабление и расширение прав и тех и других, в том числе и в сфере образования.

Понятие «инородцы», отмечает составитель издания И.К. Загидуллин, представителями самой этой категории населения, в частности татарской элитой, воспринималось достаточно негативно. В российских документах присутствует с XVIII в. до 1917 г. При объяснении данного термина исследователь обращается к А. Капеллеру. В цитируемом отрывке этого автора указывается, что сначала термин применялся к кочевым народам, потом также к евреям и оседлому населению Средней Азии, а к середине XIX в. распространился на народы Востока и Юга страны, включая Поволжье и Приуралье [4, с. 50].

А.Ю. Конев, исследуя историю возникновения понятия «инородцы», также говорит о том, что для обозначения племенной и этнической принадлежности оно стало использоваться в документах поздно, в конце XVIII в. По его мнению, это стало

следствием осмысления этноязыкового и конфессионального многообразия империи. Законодательное закрепление понятия исследователь, как и другие авторы, связывает с именем М.М. Сперанского и приводит цитату из проекта «Устава об управлении инородцев» рубежа 1820–1821 гг., в которой эта категория населения определяется так: «Все обитающие в Сибири инородные племена, то есть коренные сей страны жители, не Российского происхождения» [3, с. 119].

С нашей точки зрения, термин «инородцы» можно рассматривать как пережиток имперского сознания представителей власти, когда русское православное население до некоторой степени противопоставлялось разнообразному в этнокультурном и конфессиональном отношении населению окраин. Процесс интеграции, который бы способствовал не только законодательному закреплению, но и усвоению в обществе идей общей идентичности, культурного единства и равноправия всех граждан, характерных для национального государства, в начале XX в. в России еще только набирал силу.

Исторический контекст созыва межведомственного совещания 1910–1911 гг.

Издание предваряет вводная статья И.К. Загидуллина, которая может заинтересовать широкий круг читателей. Она освещает основные вехи развития государственной политики в вопросе образования народов Российской империи в XIX – начале XX в. Тем самым проблемы, которые рассматриваются в публикуемом документе, раскрываются в исторической ретроспективе вплоть до 1907 г. включительно. Исследователь отмечает, что уже в XIX в., особенно после либеральных реформ 1860–1870-х гг., школа в России стала важным инструментом интеграции, «воспитания законопослушных граждан» [4, с. 17]. Центральная роль в этом процессе отводилась русскому языку. Такие выводы находят подтверждение в самих представленных в издании материалах межведомственного совещания. По мнению его участников, школа «должна объединять между собою, ради общего блага, многочисленные народности, населяющие Российскую империю», и в ней «должно быть отведено подобающее место государственному языку как одному из факторов государственного единства» [4, с. 83]. Решение задачи обучения русскому языку привело в итоге к, казалось бы, неожиданному последствию – появлению адаптированных к языковым и культурным потребностям народов начальных учебных заведений. Невозможно хорошее овладение языком, если учитель и ученик не понимают друг друга. Поэтому возможность обучаться на родном языке по специально разработанным учебникам стала важным достижением на пути к интеграции и взаимопониманию.

И.К. Загидуллин отмечает противоречивые последствия государственной образовательной и этноконфессиональной политики. Стремление через образование добиться большего культурного единообразия страны обернулось этнической консолидацией и ростом скрытого и открытого противодействия в национальных регионах. К требованию свободы вероисповедания в качестве одного из значимых критериев справедливости добавилось право на обучение на родном языке. Национальные движения приобретали все более радикальный характер и подпитывали антиправительственные выступления, что ярко продемонстрировали революционные события 1905–1907 гг. [4, с. 36–37].

Среди мусульман, имевших свои конфессиональные учебные заведения, русская школа не пользовалась популярностью. По данным И.К. Загидуллина, среди мусульман Волго-Уральского региона русские классы при медресе и русско-татарских (башкирских) начальных школах не получили распространения. Но предпринятые правительством и местной администрацией меры по введению новых типов учебных заведений формировали у населения негативное отношение к ним и связывались в его сознании с

крещением мусульман [4, с. 27]. Подробно этот вопрос исследователь рассматривает в другой своей работе, посвященной татарскому национальному движению в 1860–1905 гг. [2]. Примером значимости школьного вопроса для лидеров мусульманского движения России начала XX в. может служить программа стамбульского кружка российских эмигрантов, организованного Г. Ибрагимовым. В этом документе среди требований свободы совести и защиты прав мусульман были и такие, которые непосредственно касались государственной политики в сфере образования: отказ от назначения на должность муфтия выпускников русских учебных заведений, передача управления конфессиональными и национальными школами муфтию и попечителям, необязательность изучения в учебных заведениях светских наук и русского языка и др. И.К. Загидуллин отмечает, что стамбульские требования Г. Ибрагимова были направлены на «расширение религиозной культурной автономии». Они «сыграли важную роль в трансформации приоритетов национального движения в начале XX в.» [2, с. 394–395].

Вторая вводная статья составителя издания носит справочный характер и посвящена непосредственно межведомственному совещанию о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением. Она вводит читателя в курс дела, объясняя, когда и в связи с какими событиями проходило совещание, какие были приняты решения и каковы их последствия. Также дается краткая историографическая справка о том, кто из исследователей занимался изучением работы совещания, и характеризуются архивные фонды, на основе которых публикуется данный источник. Излишняя краткость в описании самого публикуемого документа вызывает некоторые вопросы. Из текста статьи непонятно, что собой представляют публикуемые материалы. Составитель использует слова «обобщающий документ», «журнал», «сборник документов», указывая на дело № 28 личного фонда представлявшего на совещании Министерство внутренних дел вице-директора Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий Н.И. Павлова (№ 1022) РГИА [4, с. 81]. Также перечисляются другие фонды и документы, связанные с совещанием. Насколько они нашли отражение в публикации, совпадают ли с публикуемой копией, не разъясняется. Некоторая неясность в этом вопросе вызывает сомнения относительно характера самого документа и потребность обратиться за уточнениями к архивным фондам. Более подробная информация об источнике могла бы существенно облегчить работу с ним будущим читателям.

По мнению О.В. Чикуровой, в начале XX в. государственная политика в сфере образования играла важную роль во внутренней государственной политике. Проекты «инородческого» образования были в центре широкого общественного обсуждения [5, с. 176]. Русская революция 1905–1907 гг. способствовала реализации ряда демократических принципов в области образования и этноконфессиональных отношений. На законодательном уровне жителям империи была гарантирована свобода вероисповедания, расширены права на преподавание на родном языке учащихся, обучение в своих конфессиональных школах. Правительству П.А. Столыпина предстояло выработать собственную политику в сложившихся новых условиях. И.К. Загидуллин оценивает позицию П.А. Столыпина относительно школьного вопроса как достаточно жесткую и ориентированную на задачу создания сильной и единой России. Школа, по мнению этого государственного деятеля, должна обеспечить государственное и культурное единство страны. Одним из факторов такого единства должно было стать преподавание русского языка как государственного во всех учебных заведениях независимо от местности, народности, вероисповедания [4, с. 49–51]. В ситуации роста национальных движений решение школьного вопроса рассматривалось также, как важное с точки зрения выработки мер противодействия наблюдавшемуся, по мнению государственных деятелей, татаро-мусульманскому влиянию на нерусские народы [4, с.

53]. Круг этих задач и должно было решить организованное при Министерстве народного просвещения межведомственное совещание, которое проходило с ноября 1910 по декабрь 1911 г. [4, с. 59]. Несмотря на то, что совещание завершило работу уже после убийства П.А. Столыпина, И.К. Загидуллин считает, что его решения являлись продуктом столыпинской эпохи [4, с. 63].

Составитель издания специально останавливается на участниках совещания. Основная роль в нем отводилась чиновникам Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел. В работе совещания также участвовали представители других министерств, Синода, губернаторы особо значимых с точки зрения рассматриваемых вопросов губерний (люблинский губернатор Е.В. Менкин, тифлисский губернатор М.А. Любич-Ярмолович-Лозин-Лозинский, член совета Наместника е. и. в. на Кавказе Е.Г. Вейденбаум) [4, с. 60–61].

Давая оценку публикуемому документу, И.К. Загидуллин отмечает, что он иллюстрирует стремление «выработать общие принципы национальной политики в школьной сфере» для народов Российской империи [4, с. 74]. По его мнению, решения совещания были направлены на интеграцию населения окраин. Это выразилось в ориентации совещания на ограничение преподавания родных языков учащихся, усвоение ими государственного русского языка, внедрение в нерусской и неправославной конфессиональной школе государственной идеологии, формирование российской идентичности и уважения к русской культуре путем контроля над всеми учебными заведениями [4, с. 74].

Материалы межведомственного совещания 1910–1911 гг. как важный исторический источник

Текст публикуемого документа достаточно объемный и занимает основную часть рецензируемого издания. После вводных замечаний и изложения общих принципов последовательно освещаются вопросы, которые рассматривались на совещании. Среди них использование в школе языков народов империи, применение адаптированных учебников, преподавание Закона Божия и неправославных вероучений представителям разных конфессий, работа конфессиональных учебных заведений и организация надзора за подобными и другими школами с этнокультурными особенностями образовательной программы. Документ интересен тем, что помимо принятых решений в нем дается краткий обзор состояния дел по каждому вопросу. Еще до совещания Министерство народного просвещения организовало сбор сведений. Дополнительные необходимые материалы собирались в ходе работы совещания. В результате совещание располагало достаточно подробной информацией по интересующему вопросу. Благодаря этому современному читателю представляется сложная картина развития школы у разных народов страны и позиции в этом вопросе правительства.

Несмотря на озвученное стремление к интеграции в рамках всеобщего начального обучения [4, с. 102], совещание продемонстрировало индивидуальный подход к решению поставленных вопросов для разных народов, конфессий и регионов империи. Совещание подробно рассмотрело вопрос о конфессиональном образовании и соответствующих учебных заведениях. Он был особенно важен в связи с законодательно закрепленной в 1905 г. свободой вероисповедания и необходимостью соблюдать принцип веротерпимости. И хотя Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил среди других свобод и свободу совести, но в полной мере она была реализована в правовом поле только в 1917 г. До этого времени конфессиональная принадлежность оставалась важной для идентификации населения империи. Мнение участников совещания о значении веры, и не

обязательно православной, в жизни человека и государства демонстрирует тезис о том, что оставление школы «без религии, без религиозно-нравственного воздействия на учащихся не соответствовало бы государственным интересам» [4, с. 137]. Поэтому было рекомендовано отдать предпочтение преподаванию начал веры духовными лицами православного и других разрешенных вероисповеданий в государственной школе, а не за ее пределами [4, с. 138].

На совещании отмечалось, что свобода вероисповедания привела к сильному религиозному брожению [4, с. 133]. Существование некоторых религиозных конфессий было легализовано. Естественно, это требовало от государства выработки определенной позиции в отношении защиты своих интересов в этом многообразии. Важное значение придавалось возможности той или иной религии оказывать негативное влияние на верующих как с точки зрения их нравственности, так и с позиций государственной политики. Совещанием были определены пределы веротерпимости. Заявлялось, что «допустимыми с государственной точки зрения следует признать те вероучения, которые не проводят начал изуверства, не отрицают общепризнанных начал нравственности и не противны государственному порядку» [4, с. 135]. Решать вопрос о соответствии этим признакам, по мысли участников совещания, должно было Министерство внутренних дел. Вопросы о преподавании основ конкретного вероучения и об образовательных программах возлагались на учебные органы (училищные советы и др.). Руководствуясь этим подходом, совещание считало возможным допустить преподавание Закона Божия и начал веры старообрядческих, инославных и иноверных исповеданий при соблюдении определенных условий и под контролем соответствующих органов. Вероучители в школах, обеспечивавшихся за государственный счет, могли даже рассчитывать на казенное жалованье [4, с. 248–252].

Совещанием были выработаны предложения отдельно для каждой конфессии относительно сохранения и преобразования определенного типа школы, языка преподавания, особенностей программы и др. Оно считало возможным допустить в случае незнания учащимися русского языка ведение преподавания на их «природном» языке как в государственной, так и в частной школе. Более того, предполагалось создавать русско-инородческие семинарии, которые должны были обучать учителей вне зависимости от их этнической принадлежности языкам проживающего на конкретной территории населения. Выбор языков, на которых в дополнение к русскому можно вести обучение, был обоснован очень важным для понимания роли образования в России в XIX – начале XX в. принципом: наличие своей письменности и литературы. По этому критерию в частных школах преподавание на десяти языках: польском, литовском, немецком, эстонском, латышском, татарском, бурятском, калмыцком, грузинском, армянском. Для татар, калмыков и бурят предлагалось финансовое участие правительства в подготовке адаптированных учебников, что было продиктовано стремлением исключить использование иностранных пособий. Для народов, не входящих в число выбранных десяти, рекомендовалось при введении всеобщего обучения открывать училища в первую очередь, чтобы избежать влияния на них обладающих уже давно письменной традицией соседей [4, с. 245–248]. Э. Геллнер отмечает, что в индустриальном обществе именно письменная культура, распространяемая образовательными учреждениями, становится средством идентификации индивида и открывает ему возможность быть включенным в коммуникативную среду бюрократической сети [1, с. 16]. Не случайно, развитие образования в России во многом стимулировало появление письменности у народов, ее не имевших.

Конфессиональные учебные заведения совещание подразделяло на школы общеобразовательной, профессиональной и вероучительной направленности.

Конфессиональная (очевидно, неправославная) признавалась совещанием нежелательным, но терпимым явлением на начальной стадии обучения по причине нехватки правительственных школ [4, с. 153]. Особенно резко совещание выступило против придания общеобразовательного характера неправославным учебным заведениям повышенного типа, готовившим вероучителей и духовных лиц. Оно считало, что тем самым население будет отвлекаться от государственной школы.

Внимание к мусульманским учебным заведениям объяснялось важностью мусульманского вопроса для российской этноконфессиональной политики и новыми процессами, которые происходили в среде самих мусульман. Отмечалось, что к началу XX в. благодаря активной деятельности И. Гаспринского и других мусульманских деятелей наметилась тенденция расширения программ и введения новых методик обучения в мектебе и медресе. В 1910 г. эта проблема среди прочих обсуждалась на образованном при Министерстве внутренних дел совещании по вопросу о мерах борьбы против панисламизма и пантюркизма в Поволжье. Оно признало, что «религиозное образование населению должно быть предоставлено особенно для столь своеобразной среды», как мусульмане, при сохранении первоначального религиозно-духовного характера конфессиональных школ. Превращение мусульманской школы в общеобразовательную национальную объявлялось недопустимым [4, с. 195]. Поддерживая в целом заявленные совещанием при Министерстве внутренних дел принципы, межведомственное совещание 1910–1911 гг. предложило практические меры, попытавшись учесть особенности Российской империи.

Начальную и низшую профессиональные конфессиональные школы с преподаванием общеобразовательных предметов рекомендовалось разрешить без финансирования государства и с целым рядом ограничений в отношении определенных конфессий и территорий. Конфессиональные общеобразовательные учебные заведения повышенного типа допускались для мусульман, старообрядцев, евреев [4, с. 252–254]. Конфессиональным школам вероучительской и учительской направленности в основном предлагалось отказаться от общего образования за некоторым исключением. Смешанные программы разрешались старообрядческим учебным заведениям. Лютеранские кантораты планировалось постепенно преобразовать в начальные народные училища. Мусульманские медресе и мектебе должны были сосредоточиться только на религиозном образовании. Если бы они включали общеобразовательные предметы, тогда на них распространялось бы общее положение о частных учебных заведениях. Наряду с арабским языком в мусульманских школах было рекомендовано преподавание на родном языке учащихся. На нем же должно было проходить испытание на звание муллы. Вопрос об обеспечении знания муллами русского языка был переадресован совещанием региональной учебной администрации и Министерству народного просвещения [4, с. 254–259].

В свою очередь, было признано желательным владение языком населения участков инспекторами народных училищ, на которых дополнительно возлагались обязанности надзора за конфессиональными учебными заведениями. Для надзора за мектебе предлагалось учредить должность особого инспектора, который находился бы в подчинении инспектора народных училищ. Предвидя негативное отношение мусульман к вмешательству в учебный процесс, особому инспектору рекомендовалось ограничиться контролем над содержанием дисциплин в интересах защиты русской государственности [4, с. 260–262]. В целом решения совещания говорят о стремлении расширить полномочия Министерства народного просвещения и учебной администрации в деле надзора за национальной и конфессиональной школой.

Справочный аппарат рецензируемого издания представлен примечаниями и указателями. Примечания содержат дополнительную информацию об упоминаемых в тексте учреждениях, организациях, территориях, документах, исторических деятелях и др. Возможно, этот раздел издания стоило расширить, включив некоторые плохо знакомые широкому читателю понятия, упоминаемые конфессиональные группы, фамилии, события. Это помогло бы в работе с документом не только ученым, но и любителям истории.

У издания нет аннотации, что затрудняет первое знакомство с ним. Приходится искать информацию о документе в тексте. Учитывая, что она размещена не на первых страницах, а содержание находится в конце, возникают трудности с ориентированием по тексту. В аннотации также можно было бы раскрыть название документа с учетом современной терминологии, более доступной непосвященной публике.

Заключение

Издание рассчитано на подготовленного читателя. Для его адекватного восприятия и понимания требуется хорошее знание проблемы, опубликованных и архивных источников, терминологии, особенностей образовательной системы и деятельности государственных органов начала XX в. Исследователь, работающий в рамках освещенных в нем тем, высоко оценит возможность познакомиться с важным для изучения периода между двумя русскими революциями документом. Имеющаяся в источнике богатая информация позволит раскрыть сложные вопросы российской этноконфессиональной политики, провести сравнительный анализ положения мусульманской школы и других национальных и конфессиональных учебных заведений. Печатная форма значительно сокращает путь ученого к источнику, расширяет круг и географию исследований. Вводная статья составителя издания будет интересна и полезна более обширной аудитории, педагогам, студентам и всем интересующимся историей затронутых в ней вопросов. Расширить круг потенциальных читателей могло бы размещение текста в сети Интернет. Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан как издатель имеет опыт использования своего сайта в подобных целях. Поэтому можно надеяться на появление документа в сети в будущем.

Литература

1. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.
2. Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. – Казань: Татарское книжное издательство, 2014. – 423 с.
3. Конев А.Ю. «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – № 13. – С. 117–120.
4. Межведомственное совещание 1910–1911 годов о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением: Журнал / сост., автор статей, примечаний, указаний и сокращений И.К. Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 292 с.
5. Чикурова О.В. Некоторые соображения о постановке образования у восточных инородцев России (Взгляды Я. Д. Коблова на образование нерусских народов России в начале XX в.) // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. – 2017. – № 1/2 (86/87). – С. 176–186.

References

Subbotina A.M. An Important Source on the History of School Education of Muslims and Other Ethnic and Religious Communities in the Russian Empire: an Interagency Conference of 1910–1911 Concerning the Organization of School Education in the Areas with Non-Russian and Non-Orthodox Population: Journal. – Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History at the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017. // *Islamovedenie*. 2018. V. 9, № 1. P. 99–108

1. Gellner E. *Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]*. Moscow. Progress, 1991. 319 p. (In Russian).

2. Zagidullin I.K. *Tatarskoe natsional'noe dvizhenie v 1860–1905 gg. [The Tatar national movement in 1860–1905 years]*. Kazan'. Tatarckoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014. 423 p. (In Russian).

3. Konev A.Y. «Inorodtsy» Rossiiskoi imperii: k istorii vzniknoveniya ponyatiya. // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.ev [«Inorodcy» Rossijskoj imperii: k istorii vzniknoveniya ponjatija Inorodtsy of the Russian Empire: history of consept's orig. IN: Theory and practice of social development]*. 2014, no. 13. P. 117–120. (In Russian).

4. *Mezhvedomstvennoe soveshchanie 1910–1911 godov o postanovke shkol'nogo obrazovaniya v mestnostyakh s inorodcheskim i inoslavnym naseleniem: Zhurnal [An Interagency Meeting of the 1910–1911 years on the state of school education in areas with nob-Russian and non-Orthodox population: Journal] / sost., avtor statei, primechanii, ukazanii i sokrashchenii. I.K. Zagidullin. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. 292 p. (In Russian).*

5. Chikurova O.V. Nekotorye soobrazheniya o postanovke obrazovaniya u vostochnykh inorodtsev Rossii (Vzglyady Ya. D. Koblova na obrazovanie nerusskikh narodov Rossii v nachale XX v.) *Gasyrlar avazy – Ekho vekov [Some considerations on the education arrangement for the eastern non-Russians of Russia (Views of D. Koblov on the education of non-Russian nations of Russia in the early 20th century). In: Echo of centuries]*. 2017, no. 1/2 (86/87). P. 176–186. (In Russian).